

Pindeha Silvaen

Рождественская история

Pindeha

Pindeha Silvaen

Рождественская история

<https://litres.ru/73236768>

SelfPub; 2026

Аннотация

На далёкой планете Kepler452b, где жизнь — это работа, холод и безнадёжность, юный землянин Севастьян мечтает подарить её жителям Рождество. Для кейплеров праздник кажется ненужной традицией чужого мира, но мальчик верит: тепло семейного очага и волшебство вернут кейплерам надежду.

Вместе с инопланетянином Ио и подругой Мией Севастьян пытается убедить жителей и даже правителя принять новый праздник. Мир, погружённый в кризис и страх перед будущим, не готов поверить в чудо — тогда друзья решают устроить Рождество для целой планеты своими силами.

«Рождественская история» — фантастическая повесть о надежде, семейных ценностях и силе света, побеждающего тьму. Она соединяет космическое приключение с теплом рождественской сказки и напоминает: чудо начинается там, где люди верят друг в друга.

Pindeha Silvaen

Рождественская история

В городе Глизе близилась зима – та особая пора, когда воздух становился пронзительно-прозрачным, а длинные тени от высоких зданий ложились на мостовые, словно чернильные разводы на пергамент. Небо, окрашенное в приглушённые лиловые тона, теперь казалось ещё более глубоким, будто сама вселенная затаила дыхание в преддверии холодов.

На планете кейплеров не существовало такого праздника, как Рождество. Для местных жителей смена времён года была не более чем едва заметным колебанием климатических показателей – сухим фактом, зафиксированным в базах данных, но не тронувшим сердца. До определённого момента...

Появление пришельцев на Kepler-452b стало тем самым поворотным моментом, что переписал не только хроники планеты, но и саму ткань повседневности. Чужие традиции, словно семена, занесённые космическим ветром, начали прорасти в непривычной почве, меняя привычный уклад.

Был обычный зимний день – один из тех монотонных, словно отмеренных метрономом, дней, когда время текло своим размеренным ходом, а жизнь города напоминала сложный механизм, где каждый винтик знал своё место. Жи-

тели, как всегда, погружались в работу – кто-то управлял гравитационными потоками в энергостанциях, кто-то изучал аномалии в лесах, а кто-то просто наслаждался коротким отдыхом в кафе с ароматным нектаром из местных плодов.

Но среди этого упорядоченного ритма нашёлся один, кому наскучила безупречная рутина. Это был подросток – уже не ребёнок, но ещё не взрослый, стоящий на хрупкой грани между двумя мирами. Его сердце тосковало по земным праздникам, и особенно – по Рождеству.

Для него этот праздник оставался волшебным, словно сияющая снежинка, в которой отражается целая вселенная. Он помнил, как в детстве дом наполнялся особым теплом: мерцание гирлянд, запах имбирных пряников, смех родных, собравшихся вместе. В эти мгновения время словно останавливалось, а мир сужался до уютной гостиной, где никто не думал о работе, научных открытиях или межпланетных переговорах. Только семья. Только любовь. Только те бесценные минуты, когда каждый мог по-настоящему увидеть и услышать другого.

И теперь, глядя на холодные геометрические узоры на окнах своего жилища, он мечтал о том, чтобы принести это волшебство сюда – на чужую планету, где даже сама идея праздника казалась чем-то невероятным.

В просторной столовой дома семьи Тейлор царил приглушённый свет – неяркие лампы с тёплым янтарным свечением создавали атмосферу уюта, контрастируя с холодным

голубоватым сиянием уличных фонарей за панорамным окном. На столе, накрытом скатертью с вышитыми серебряными нитями узорами, дымились блюда с ароматной пищей, а в воздухе витал запах пряных трав и свежее испечённого хлеба.

На семейном ужине подросток решил выдвинуть своё предложение. Тишина, обычно наполненная шутками и непринуждёнными разговорами, вдруг сгустилась, словно перед грозой. Все взгляды невольно устремились к Севастьяну Грей, который нервно сжал в руках салфетку, будто искал в ней опору.

– Семья, мне нужно с вами поговорить.

Никто из присутствующих за столом не ожидал такого от Севастьяна. В их доме внезапные заявления были привилегией лишь одной особы – неугомонной Мии, чей пылкий нрав и страсть к переменам давно стали притчей во языцех.

Каролина Тейлор, с благородной сединой в аккуратно уложенных волосах, мягко улыбнулась, откладывая вилку:

– Да, мы тебя слушаем.

Севастьян глубоко вздохнул, словно собираясь с силами перед прыжком в ледяную воду:

– У меня к вам есть необычное предложение. Вам не наскучила такая рутина? Одна учёба, работа, дом... Никакого веселья, отдыха, праздников. Всё будто застыло в монотонной череде дней.

Ларри Тейлор в кресле во главе стола скептически приподнял бровь, неспешно откидываясь на спинку:

– Это называется жизнь, малыш. Да, праздников нам хватает.

– Как может хватать всего два праздника в год? – голос Севы зазвенел от искреннего недоумения.

Каролина вновь заговорила, её тон оставался спокойным, почти убаюкивающим:

– Этого достаточно, чтобы отдохнуть. Куда больше?

Вдруг юная Мия Тейлор, до этого молча ковырявшая вилок в тарелке, резко выпрямилась, глаза её загорелись азартом:

– А я не согласна! Праздников должно быть больше. Да и что это вообще за праздники такие? Скучные, без души...

Ларри усмехнулся, словно наблюдая за игрой непоседливого ребёнка:

– Хорошие праздники. Неделя урожайности и у каждого день рождения. Традиции, которые проверены временем.

Сева понизил голос, но в нём звучала пронзительная искренность:

– Но в них же нет совсем чего-то особенного. Не хватает волшебства, кажется... Как будто мы забыли, что значит *чувствовать* праздник.

Каролина посмотрела на него с нежной, но твёрдой интонацией:

– Ты не в сказке, сынок. О каком волшебстве ты говоришь? И к чему, кстати, ты затеял этот разговор?

Севастьян выпрямился, в его взгляде появилась несгиба-

емая решимость:

– К тому, чтобы добавить один особенный праздник. Для меня... и для жителей моей планеты. Праздник, который принесёт сюда частицу того света, что я помню с детства.

Мужчина медленно покачал головой, в голосе прозвучали снисходительные, но твёрдые нотки:

– Но это праздник твоей планеты. Здесь совершенно другой мир. На каждой планете должна быть своя особенность. Согласись со мной, Ио?

Ио медленно поднял взгляд, его глаза, глубокие и мудрые, словно хранящие отголоски тысячелетий, скользнули по лицам собравшихся. В голосе, тихом и размеренном, звучала взвешенность волмера, привыкшего взвешивать каждое слово:

– Вы, конечно, правы. Но и Севастьян тоже, отчасти, верен в своих размышлениях. Вы верно подметили, что на каждой планете должно быть что-то особенное, что-то своё. Но задумайтесь: на этой планете живут два пришельца из иных миров, оказавшихся здесь по воле причудливой череды случайностей. Сама Вселенная направила нас сюда – именно к вам.

Он сделал паузу, позволяя словам осесть в сознании собеседников, а затем продолжил, и в его тоне зазвучала едва уловимая торжественность:

– Возможно, судьба велит нам что-то менять. И это правильно – чтобы иные существа брали что-то хорошее от дру-

гих цивилизаций, дабы не застывать в развитии, не превращаться в неподвижные статуи собственного прошлого. Возможно, с началом небольших перемен жизнь кейплеров пойдёт в гору.

Его взгляд стал пронзительным, словно он видел сквозь время:

– Вы живёте долго – по меркам людей невероятно долго. Но по вашим собственным меркам вы умираете раньше положенного. А всё из-за обыденности жизни. У вас мало что меняется – и это Севастьян верно подметил. Вашу жизнь легко описать одним словом – рутина. Она, как тина на поверхности озера, сковывает движение, заглушает всплески радости, стирает грани между днями.

Каролина, до этого молча изучавшая узор на скатерти, резко подняла голову. В её глазах, обычно спокойных и ясных, мелькнула тень тревоги. Она слегка наклонилась вперёд, словно пытаясь ухватиться за краешек новой мысли, ещё не оформившейся до конца:

– Прости, что перебиваю. Но как же нам её изменить? Мы из поколения в поколение так живём – словно река, веками прокладывающая одно и то же русло. Мы не сможем уже ничего изменить, только если в своей семье. Но мир-то не захочет меняться. Он слишком велик, слишком устоялся, чтобы прислушаться к голосам нескольких несогласных.

– А вы пробовали? – воскликнула Мия, резко выпрямившись на своём месте. – Если выступить с подобной речью и

предложить кейплерам что-то хорошее, то я уверена: значительная часть кейплеровства согласится! Это же так просто – дать кейплерам повод для радости, искру надежды, кусочек чуда в их обыденной жизни.

Её слова, лёгкие и стремительные, словно порывистый ветер, всколыхнули атмосферу, разбавив сгустившееся напряжение свежим дыханием оптимизма. На лицах присутствующих мелькнули отблески размышлений – кто-то скептически приподнял бровь, кто-то задумчиво склонил голову.

Ларри, до этого молча наблюдавший за дискуссией, медленно провёл ладонью по гладко выбритому подбородку. В его взгляде, обычно строгом и сдержанном, промелькнуло нечто вроде осторожного любопытства. Он слегка наклонился вперёд, опираясь локтями о стол, и произнёс, тщательно подбирая слова:

– Хорошо, допустим. И что же, Сева, ты хочешь предложить?

Севастьян, до этого тихо сидевший в уголке, словно боясь нарушить хрупкое равновесие, вдруг оживился. Его глаза, прежде затухшие сомнениями, вспыхнули тёплым светом воспоминаний. Он глубоко вдохнул, будто набираясь смелости, и заговорил – сначала тихо, но с каждым словом всё увереннее:

– На моей планете при смене года есть праздник. Он особенный для всего человечества. Его называют Рождество. Это не просто дата в календаре – это волшебство, которое

проникает в каждый дом, в каждое сердце.

Он замолчал на мгновение, словно пытаясь передать словами то, что жило в его памяти как ощущение. Затем продолжил, и в его голосе зазвучали тёплые, почти осязаемые образы:

– Он празднуется ночью, когда мир замирает в ожидании чуда. Всё вокруг красиво украшено: дома сияют огнями, улицы превращаются в сказочные аллеи, а в каждом окне мерцают гирлянды, словно звёзды, спустившиеся с небес. Люди готовят особенные блюда, наполняя дома ароматами корицы, имбиря и свежей выпечки. А самое главное – это подарки. Не просто вещи, а знаки внимания, любви, заботы. Каждый дарит что-то близкому, вкладывая в этот жест частичку своей души.

Его голос дрогнул, но не от волнения, а от переполнявших его чувств. Он посмотрел на родных, и в его взгляде читалась искренняя надежда:

– Это праздник, который объединяет. В эту ночь все забывают о разногласиях, о работе, о проблемах. Остаются только тепло, смех и ощущение, что ты не один. Что ты часть чего-то большего – семьи, сообщества, человечества. Я хочу принести это сюда. Хочу, чтобы и вы почувствовали это волшебство.

Ию медленно поднялся из-за стола. В приглушённом свете лампы его силуэт казался почти монументальным – не просто волмером, а хранителем древних преданий, чья память

простиралась сквозь века. Он обвёл присутствующих спокойным, но пронзительным взглядом, и в этом взгляде читалась тяжесть веков, отмеренных ему судьбой.

– Мальчик ещё слишком мал и истории не знает, – произнёс он тихо, но так, что каждый звук словно отпечатывался в воздухе. – Я помогу тебе, Сева, рассказать её – так, как она жила в памяти поколений.

Он сделал паузу, и в этой тишине словно распахнулись невидимые врата в далёкое прошлое. Голос Ио зазвучал размеренно, словно древний свиток разворачивался перед слушателями, открывая строки, написанные светом и временем.

– В давние времена, когда мир был ещё юным, а небеса ближе к земле, в городе Назарет жили супруги – Иосиф и Мария. Их дом, скромный и тёплый, стоял среди узких улочек, где утренний свет золотил каменные стены, а воздух был напоён ароматом цветущих трав. В их сердцах уже жила тайна – скоро должен был родиться мальчик.

Ио слегка приподнял руку, будто касаясь невидимой завесы времён.

– Мария знала: это будет не обычный ребёнок. Однажды к ней явился ангел – посланник небес, сияющий, как утренняя звезда. Его голос звучал, словно музыка сфер, а слова проникали в душу, оставляя след вечности. Он возвестил, что она родит Сына Божьего – того, кто станет спасителем всех людей, светом во тьме, надеждой для отчаявшихся.

ся.

В комнате стало тихо – даже пламя свечей замерло, словно прислушиваясь. Ио продолжил, и его голос обрёл новую глубину:

– В те дни император Август, властелин Рима, решил устроить перепись населения. Для этого каждому надлежало вернуться в город, где он родился. И потому Иосиф и Мария покинули Назарет, отправившись в долгий путь к Вифлеему – их родному городу, лежащему среди холмов, где паслись стада и ветер носил запах полыни и свежей земли.

Он замолчал на мгновение, позволяя слушателям представить эту дорогу – пыльную тропу, по которой шли двое, один из которых нёс в себе чудо.

– Когда они достигли Вифлеема, город оказался переполнен. Все дома, все постоянные дворы были заняты. Ночь опускалась на землю, а им негде было укрыться. И тогда они нашли прибежище в пещере – скромном убежище, которое пастухи использовали как хлев для своих животных. Там, среди тишины, нарушаемой лишь дыханием скота, в свете мерцающей лампы, Мария родила Сына.

Голос Ио стал тише, но от этого – ещё проникновеннее.

– Она запеленала Его с нежностью, которую знает только материнское сердце, и положила на мягкую солому в ясли – простую кормушку для скота. В этот миг небо раскрылось, и звёзды, казалось, засияли ярче, приветствуя Того, кто пришёл принести в мир любовь и спасение.

Ио продолжил свой рассказ, и голос его звучал, словно древняя песнь, в которой каждое слово было отшлифовано веками. В комнате, окутанной полумраком, его фигура казалась воплощением самой Истории – негромкой, но всеведущей.

– В ту же ночь, – произнёс он, и в его тоне зазвучали торжественные, почти музыкальные ноты, – на небосводе зажглась новая звезда. Она вспыхнула внезапно, подобно бриллианту, упавшему с небесной короны, и её свет был столь ярок, что затмил собой все прочие светила. Это был знак – немой, но внятный каждому, кто умел видеть.

Он сделал паузу, словно давая слушателям разглядеть в воображении это небесное чудо, а затем продолжил:

– Недалеко от пещеры пастухи, закутанные в грубые плащи, пасли свои стада. Тишина ночи была нарушена не шумом, а сиянием – перед ними явился ангел. Его облик был столь ослепителен, что пастухи пали ниц, но голос вестника, мягкий и властный одновременно, успокоил их: «Не бойтесь! Я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ныне родился вам в городе Вифлееме Спаситель, Который есть Христос Господь».

Ио слегка приподнял руку, будто указывая на невидимую процессию:

– Ангел поведал, где найти младенца, и пастухи, охваченные священным трепетом, поспешили к пещере. Они пришли не одни – следом за ними, тихо и благоговейно, потяну-

лись и животные. Овцы, волы, даже робкие голуби, прилепившиеся из темноты, собрались вокруг яслей, словно признавая в этом крошечном существе нечто большее, чем просто дитя.

Его голос стал мягче, почти шёпотом, но от этого – ещё проникновеннее:

– Пока Христос рос, он был обычным ребёнком – смеялся, учился ходить, познавал мир. Но в Его глазах всегда светилось нечто неуловимое, словно отблеск вечности. Повзрослев, Он начал говорить о Боге – не грозном и карающем, а любящем и милосердном. Он учил, что истинная жизнь – не в богатстве и власти, а в доброте, сострадании, умении прощать и помогать тем, кто в беде. Его слова, простые и глубокие, как родник, напоили сердца тысяч людей.

Ио обвёл взглядом присутствующих, и в его глазах отразился свет, будто он сам видел всё это:

– Потому праздник Рождества Христова – это не просто дата в календаре. Это время, когда семьи собираются вместе, а сердца открываются навстречу друг другу. Это миг, когда обиды отступают перед силой прощения, а в душе рождается желание творить добро. Это напоминание о том, что даже в самой тёмной ночи может зажечься звезда – звезда надежды, любви, милосердия.

Ио продолжил свой рассказ, и голос его лился плавно, словно ручей, несущий древние предания сквозь века. В комнате, окутанной мягким светом старинных ламп, каждое

его слово обретало особую весомость, будто оживляло невидимые образы прошлого.

– Рождество, – произнёс он, и в его тоне зазвучала тёплая, почти осязаемая нежность, – полагается отмечать дома, в кругу самых близких людей. Это время, когда стены родного жилища наполняются особым светом – не от ламп или свечей, а от тепла человеческих сердец. В этот вечер семья собирается за столом, и каждый стул, каждая тарелка словно хранят память о поколениях, что сидели здесь прежде.

Он сделал паузу, словно давая слушателям прочувствовать эту атмосферу – запах воска, приглушённый смех, мерцание огней в окнах, за которыми царит зимняя ночь.

– Поскольку с появлением первой звезды в Рождество заканчивается долгий пост, стол в этот праздник должен быть поистине богатым и разнообразным – как символ изобилия, которое приносит в мир свет Рождества. Кутья, освящённая веками традиций, подаётся уже не в скромном виде, а украшенная шоколадом или мёдом, сухофруктами и душистым маслом. Её золотистый блеск на белой фарфоровой тарелке напоминает о сокровищах, принесённых волхвами.

Ио слегка улыбнулся, будто видя перед собой этот праздничный стол:

– На столе непременно должны быть сытные салаты, чьи яркие краски контрастируют с зимним сумраком за ок-

ном. Не обойтись и без сладкой выпечки – её аромат, смешиваясь с запахом корицы и ванили, проникает в самые потайные уголки дома, пробуждая детские воспоминания о чудесах. И, конечно, главное традиционное блюдо – запечённый гусь или утка, чья золотистая корочка сияет, как миниатюрное солнце, согревающее всех собравшихся.

Его взгляд стал мечтательным, словно он сам стоял у праздничного стола:

– Отдельного внимания заслуживают сладости – маленькие сокровища, способные вызвать восторг в глазах детей. Шоколадные фигурки, марципановые зверушки, медовые пряники с узорами – каждое лакомство словно рассказывает свою историю, даря мгновения чистого счастья. В этот вечер можно позволить себе немного больше, ведь Рождество – время щедрости и радости.

Ию перевёл взгляд на окно, за которым темнел зимний сад, и его голос зазвучал тише, но проникновеннее:

– Деревья, остающиеся зелёными круглый год, всегда имели особое значение для людей. Яркая еловая хвоя среди белоснежного безмолвия зимы – это не просто украшение природы, а символ надежды и вечной жизни. Она напоминает нам, что даже в самые суровые времена жизнь продолжает теплиться, ожидая своего часа, чтобы расцвести вновь.

Он слегка приподнял руку, будто показывая невидимую ёлку:

– Наряжая ёлку, мы не просто украшаем дерево – мы со-

здаём маленькое чудо, вплетая в него смысл каждого элемента декора. Ангелочки, словно стражи небесные, охраняют покой дома. Огоньки, мерцающие, как звёзды, разгоняют тьму и дарят тепло. Венки, сплетённые с любовью, символизируют бесконечность добра. Колокольчики, звенящие нежным перезвоном, напоминают о радости, которую нужно нести в мир. А звёзды, венчающие верхушку дерева, указывают путь, как та самая Вифлеемская звезда, что привела волхвов к месту рождения Спасителя.

Ио продолжил, и голос его, мягкий, но отчётливый, наполнил комнату особым, почти осязаемым теплом, словно отблески праздничных огней легли на лица слушателей.

– Традиционно к Рождеству дом и ёлку украшают светлыми, трепетными огнями – будто крошечные звёзды, спустившиеся с небес на землю. В прошлом, когда электричества ещё не знали, эту роль исполняли свечи – нежные, трепетные, живые. Их тёплый, мерцающий свет придавал празднику особое, таинственное очарование. Но пламя, столь прекрасное, было и опасным: в любой миг могло вырваться за пределы воска. Потому в комнате с ёлкой всегда держали ведро с водой – молчаливый страж, готовый укротить непокорную стихию.

Он слегка улыбнулся, словно вспоминая давние вечера, когда сам наблюдал за танцующими огоньками.

– На Рождество, как правило, принято дарить символические и по-настоящему душевные подарки. Это не просто ве-

щи – это послания, заключённые в материальную оболочку. Они должны быть чем-то особенным, что надолго останется в памяти, что согреет сердце и напомнит о вашей доброте и любви. Подарок, выбранный с вниманием, становится неммым свидетельством: «Ты важен для меня. Я думал о тебе, когда выбирал это».

В его взгляде мелькнула искра веселья, и тон стал чуть живее:

– Независимо от возраста, рождественское время – это пора, когда каждый может найти себе занятие по душе. Для одних – это стремительный полёт с заснеженных склонов на санках, для других – изящное скольжение по льду на коньках, для третьих – неспешные прогулки на лыжах сквозь заснеженный лес, где деревья стоят, укутанные в белоснежные одежды, словно молчаливые стражи зимнего царства. А те, кто предпочитает более спокойный отдых – особенно маленькие дети – с упоением лепят снеговика, придавая ему забавный облик, или возводят настоящую ледяную крепость, где каждый блок – результат кропотливого труда и фантазии.

Ио сделал паузу, и в комнате словно сгустилась атмосфера ожидания, будто сама тишина прислушивалась к его словам.

– Испокон веков живёт поверье: в Рождество небеса открывают свои врата, и можно попросить о чём-то сокровенном – и это непременно сбудется. Главное, чтобы желание было чистым, добрым, светлым, рождённым не

из эгоизма, а из искренней надежды или любви. В истории сохранилось немало удивительных свидетельств: в Сочельник и Рождество люди, отчаявшиеся и измученные тяжёлой болезнью, обретали исцеление, словно невидимая сила касалась их души и тел. А самые сокровенные желания – те, что шли от самого сердца, – исполнялись самым неожиданным образом, будто сама Вселенная шептала: «Я слышу тебя. Я вижу твою надежду».

Сева восторженно хлопнул в ладоши, и его глаза засияли, словно две маленькие рождественские звёздочки.

– Всё верно! – воскликнул он. – Ещё после боя курантов люди загадывают желания – самые сокровенные, самые трепетные. А ровно в полночь, когда последний удар часов растворяется в ночном воздухе, все выходят на улицы, и небо взрывается огненным торжеством – фейерверками! Они расцветают, как фантастические цветы, рассыпаются золотыми искрами, переливаются всеми цветами радуги, озаряя мир волшебным светом.

Он сделал паузу, набирая воздуха, и продолжил с ещё большим воодушевлением:

– А ночью к каждому приходит загадочный человек – добрый волшебник в красном кафтане с пушистой белой оторочкой. Он тихо ступает по заснеженным крышам, спускается в дымоходы и оставляет под ёлкой подарки – именно те, что каждый заслужил своим добрым сердцем и чистыми помыслами.

Ию, внимательно наблюдавший за юным рассказчиком, мягко улыбнулся и поднялся со своего места. Его движения были плавными, почти ритуальными.

– Сейчас я вам покажу, как выглядит этот праздник, – произнёс он, и в воздухе развернулся мерцающий экран.

Голограмма ожила, наполняя комнату яркими образами далёкой планеты. Сначала появилась новогодняя ёлка – величественная, сверкающая мириадами огней, украшенная хрустальными шарами, серебряной мишурой и золотыми звёздами. Затем кадры сменялись один за другим: дома, укутанные в гирлянды, словно в праздничные шали; улицы, превращённые в сказочные аллеи с сияющими арками; города, утопающие в огнях, где каждый фонарь, каждый оконный проём излучали тепло и радость.

На экране вспыхнули фейерверки – они расцветали в ночном небе, как огненные хризантемы, рассыпались золотыми дождями, вспыхивали изумрудными и сапфировыми искрами. Появились счастливые лица людей – детей с широко раскрытыми глазами, взрослых, чьи улыбки были искренними и светлыми, семей, собравшихся вокруг праздничных столов. И, конечно, подарки – красиво упакованные, с атласными лентами и бантами, лежащие под ёлкой, словно сокровища.

Семья Тейлор замерла, поглощённая этим зрелищем. Каролина прижала ладонь к груди, её глаза наполнились тёплым светом.

– Ох, Севастьян, – прошептала она, – как же важен для вас этот праздник. Он так прекрасен... и, правда, волшебен. В нём есть что-то, что трогает самые глубокие струны души.

Мия вскочила с места, её лицо пылало от восторга.

– Нам срочно он необходим! – воскликнула она. – К тому же сейчас как раз зима – ещё успеем! Мы можем создать такое же чудо здесь, на Глизе. Представляете, как это изменит наш мир?

Ларри, до этого молча наблюдавший за происходящим, задумчиво потёр подбородок. В его взгляде читалась не столько скептичность, сколько трезвая озабоченность.

– Но как нам удастся убедить всех кейплеров? – спросил он, и его голос прозвучал приглушённо, словно он уже представлял масштабы предстоящей задачи. – Это не просто смена декораций. Это изменение уклада, традиций, мышления.

Каролина повернулась к мужу, и в её глазах заиграли озорные искорки.

– Для этого у нас есть Ио и Сева, – сказала она с уверенностью, от которой будто повеяло теплом рождественского очага. – У Ио – мудрость веков и дар убеждения, а у Севастьяна – искренняя вера и страсть. Вместе они смогут зажечь огонь этого праздника в сердцах наших соотечественников.

Ларри скрестил руки на груди, его лицо оставалось непроницаемым, словно высеченным из серого камня. В глазах читалась не враждебность, а осторожная рассудительность кейплера, привыкшего взвешивать каждое решение.

– И что они смогут сделать? – произнёс он сдержанно, чуть склонив голову. – Один – ещё ребёнок. Другой – мудрец, чьи слова, увы, не всегда находят отклик в сердцах прагматичных кейплеров.

Каролина мягко повернулась к мужу. В её взгляде, тёплом и лучистом, словно утреннее солнце, читалась непоколебимая уверенность. Она слегка коснулась рукой его рукава, и это прикосновение, лёгкое, как дуновение ветра, будто передало ему частицу её внутренней силы.

– Он необычный ребёнок, – произнесла она с тихой, но твёрдой убеждёностью. – Севастьян – земной житель, который не просто слышал о Рождестве, а лично видел этот праздник во всём его сиянии. Он помнит запах хвои и воска, мерцание огней на ёлке, смех родных за праздничным столом. Эти воспоминания живы в нём, как живое пламя. А вместе с Ио они смогут донести до кейплеров не просто описание, а саму суть этого праздника – ту невидимую нить, что связывает сердца, пробуждает в них доброту и надежду. Это важно не только для них, но и для нас, для всех жителей планеты.

Её голос зазвучал чуть громче, наполняясь воодушевлением:

– Представьте, как изменится наш мир, если мы позволим этому свету проникнуть в наши дома. Если вместо монотонной череды дней появится момент, когда каждый сможет почувствовать себя частью чего-то большего. Рождество – это

не просто традиция, это напоминание о том, что даже в самой холодной зиме есть место для тепла, для чуда.

Ию, до этого молча наблюдавший за диалогом, медленно поднялся. Его фигура, высокая и стройная, словно излучала спокойную уверенность. Он сложил руки перед собой, и в этом жесте читалась готовность взять на себя бремя ответственности.

– Предлагаю для начала сообщить правителю нашей страны, – произнёс он ровным, но звучным голосом, от которого в комнате будто стало светлее. – Мы представим ему всю картину: историю, традиции, значение этого праздника. Если удастся убедить его, это станет первым шагом. А дальше – будем действовать по обстоятельствам. Но важно начать. Ведь даже самый долгий путь начинается с первого шага.

Почему же Тейлор пришли к выводу, что этот праздник жизненно необходим кейплерам? Ответ таился в самой атмосфере планеты, пропитанной тревогой и усталостью.

В эти дни планета напоминала корабль, попавший в многолетнюю бурю. Небо, прежде отливавшее нежной лазурью, теперь чаще хмурилось свинцовыми тучами, словно сама природа утратила радость бытия. Земля, некогда щедрая и плодородная, словно окаменела – её недра больше не желали делиться дарами. Поля, где когда-то колыхались золотистые колосья, теперь простирались унылыми, выжженными пространствами, будто шрамы на теле планеты.

Климат изменился неумолимо и жестоко. Зимы стали пронзительно-морозными, а лето – изнуряюще знойным. Резкие перепады температур, словно удары бича, обрушивались на поселения, заставляя жителей кутаться в тёплые одежды даже в полдень. Воздух, прежде чистый и свежий, теперь часто был пропитан едкой пылью или промозглым туманом, от которого першило в горле и слезились глаза.

Многие кейплеры начали болеть. Сначала это были редкие случаи – лёгкий кашель, усталость, ломота в суставах. Но постепенно недуги распространялись, словно тёмный мох, покрывающий древние камни. Врачи разводили руками: привычные лекарства не помогали, а причины хворей оставались загадкой. В поселениях всё чаще слышался приглушённый плач по ушедшим.

Кейплеры трудились до изнеможения. Отцы семейств брались за любую работу – поднимались затемно, возвращались, когда звёзды уже украшали небосвод. Матери, осунувшиеся от бессонных ночей, пытались растянуть скудные запасы еды на неделю, на месяц. Дети, прежде резвившиеся на лужайках, теперь молчаливо помогали родителям, их глаза рано познали тяжесть забот.

В этой атмосфере безысходности Рождество могло стать тем самым лучом света, что пробивается сквозь грозовые тучи. Не просто праздником с гирляндами и подарками – а живым символом надежды. Оно напомнило бы жителям, что даже в самые тёмные времена есть место для тепла, для доб-

роты, для веры в лучшее.

Возможно, именно этот праздник, с его духом единения и чуда, даст кейплерам то, чего им так не хватает – надежду. Ту самую надежду, что способна исцелять, вдохновлять и, быть может, даже изменить судьбу целой планеты.

Спустя неделю изнурительных попыток пробиться сквозь бюрократические барьеры и установить контакт с правительством страны, семья наконец получила долгожданный положительный ответ на просьбу о встрече. Это известие, подобно вертексному лучу, пробившемуся сквозь плотные тучи, вселило в сердца робкую надежду.

Чтобы предстать «при параде» на приёме у правителя, семья потратила значительную часть своего скромного бюджета. Гостиная превратилась в импровизированную гардеробную: повсюду лежали разложенные наряды, зеркала отражали тревожные взгляды, а воздух был пропитан смесью ароматов глаженной ткани и едва уловимого волнения.

Ларри, облачённый в строгий тёмно-синий костюм, который подчёркивал его статную фигуру, обвёл детей пристальным взглядом. Его лицо, обычно излучающее спокойную уверенность, сейчас было напряжено, а в глазах читалась неподдельная тревога.

– Так, дети, ведите себя прилично, – произнёс он сдержанно, но в голосе звучали стальные нотки. – Мы тут не шутики шутим. От этого разговора зависит очень многое.

Мия, в элегантном светло-голубом платье, которое струилось по её фигуре, как утренний туман над лугом, лишь кокетливо повела плечом. Её живые, искрящиеся любопытством глаза уже успели оценить обстановку.

– Хорошо, пап, – отозвалась она с лёгкой усмешкой. – Но Сева так смешно выглядит в этом смокинге! Зачем нужно было столько денег тратить на эту одежду? Ио вот даже не приоделся – в повседневном пришёл.

Севастьян, действительно несколько неуклюже выглядевший в непривычном для него смокинге, смущённо поправил лацканы. Его щёки слегка порозовели, а пальцы нервно тербли манжету рубашки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.